

Г.Ш. Мавлютова

Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: gmavlyutova@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

Рассматриваются особенности правового положения мусульманских духовных лиц Tobольской губернии в конце XVIII — начале XX в. В конце XVIII в. правительство создало орган управления мусульманами — Оренбургское магометанское духовное собрание, возложив на него обязанность по принятию экзаменов для назначения на должности священнослужителей. Но в первой трети XIX в. часть мусульманского духовенства Tobольской губернии осуществляла свои обязанности, не пройдя испытания в духовном собрании, действуя на основе норм обычного права. Государственная власть обязала исламское духовенство выполнять ряд государственных функций: регистрации актов гражданского состояния, нотариата, судопроизводства, при этом вознаграждения от государства представители духовенства не получали. По решению общины мусульманские священнослужители могли быть освобождены от уплаты повинностей. Они, как и все мусульмане Tobольской губернии, не несли рекрутской повинности.

Ключевые слова: ислам, Tobольская губерния, мусульманское духовенство, правовой статус, Оренбургское магометанское духовное собрание, татары, бухарцы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-175-183

Исторически Российское государство складывалось как многонациональное и многоконфессиональное. С середины XVI и до конца XIX столетия к нему присоединялись территории, население которых исповедовало ислам. Увеличение численности мусульман заставляло власть искать пути их вхождения в структуру российского православного общества. Государственная конфессиональная политика, реализуемая среди приверженцев ислама, в регионах России в разные периоды имела определенные особенности. Сибирь, став частью Русского государства, оказалась окраинной провинцией на востоке страны, населенной мусульманами.

В отечественной исторической науке работы, посвященные исламу в Сибири, стали появляться в начале 1990-х гг. О внимании к проблемам ислама в Сибири в этот период свидетельствуют материалы Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)» [Ислам, общество и культура..., 1994]. Отдельные аспекты истории ислама в Tobольской губернии исследовались И.Б. Гарифуллиным [2000, 2003], В.П. Ключевой [2004]. Конфессиональные вопросы жизнедеятельности сельской общины тоболо-иртышских татар в XVIII — начале XX в. были изучены Г.Т. Бакиевой [2003]. В последних своих работах Г.Т. Бакиева обратилась к вопросам о роли мусульманского духовенства в дореволюционной жизни общины сибирских татар. В частности, ею рассмотрены требования, предъявляемые к духовным лицам, и выполнение ими функций судопроизводства, нотариата [2011a, 2011b]. Несмотря на то что исследователями изучены отдельные стороны религиозной жизни мусульман Tobольской губернии, до сих пор не осуществлен комплексный анализ правового статуса мусульманского духовенства Tobольской губернии в дореволюционный период.

Проживавшее на территории Tobольской губернии тюркское население, состоявшее из татар и бухарцев, исповедовало ислам суннитского направления. В 1773 г. правительство страны законодательно закрепило принцип веротерпимости, но в Tobольской губернии он практически реализовывался со времени присоединения региона к России. При этом существовали ограничения в жизнедеятельности сибирских мусульман [Мавлютова, 2015, с. 133–135].

Новый этап отношений между государством и населением, исповедовавшим ислам, начался в конце XVIII в. с организации Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного по указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. в г. Уфе [ПСЗ, собр. 1-е, т. 22, № 16710]. Юрисдикция ОМДС распространялась на всю Россию, за исключением Таврической области. Созданием Оренбургского духовного собрания российской властью был сделан шаг по пути реализации одного из главных принципов конфессиональной политики имперского периода — государст-

венного контроля над религиозными институтами. Согласно указу об учреждении ОМДС его основной задачей являлось проведение испытаний для назначения на должности «мулл и прочих духовных чинов Магометанского закона». Обязав ОМДС проводить экзамен на занятие духовных должностей, власть «сверху» стремилась регулировать религиозную жизнь мусульман.

По мнению отечественных исследователей, термин «мусульманское духовенство» является условным, так как в исламе нет особого духовного сословия и нет института церкви, служащего посредником между верующими и Аллахом [Ислам в Российской империи..., 2001, с. 32]. Традиционно в исламе любой совершеннолетний мусульманин, обладающий необходимыми знаниями и высокими морально-нравственными качествами, имеет право руководить жизнью религиозной общины без специальной процедуры посвящения в сан.

По сложившейся практике, мулла, как традиционно называли духовных лиц мусульмане Тобольской губернии, избирался членами религиозной общины. Созданное магометанское духовное собрание по предписанию губернских властей должно было проводить испытание кандидатов на занятие духовной должности, получивших избирательный приговор прихожан. По завершении экзамена испытуемым выдавали свидетельства. Духовные должности могли занимать люди надежные и «доброго поведения». Их морально-нравственные качества подтверждались членами религиозной общины в избирательном приговоре. В дальнейшем эти сведения проверялись полицейскими органами путем опроса прихожан и должностных лиц общественного самоуправления. Полученная информация предоставлялась губернской администрации. Вслед за тем региональная власть утверждала духовных лиц, издавая указ. Лицо, прошедшее процедуру утверждения на духовную должность, именовали «указным муллой». Порядок избрания на должности мулл был законодательно закреплен в 1837 г. Согласно утвержденному порядку при избрании духовных лиц выразить свое согласие должно было не менее 2/3 старейшин прихода [ПСЗ, собр. 2-е, т. 12, № 10594].

Жизнедеятельность мусульман Тобольской губернии находилась под юрисдикцией ОМДС. Лица, стремившиеся занять духовные должности в мусульманских общинах Тобольской губернии, являлись в духовное собрание для сдачи экзамена. Например, в 1804 г. испытание в нем прошли ясашные татары Тюменской округи Кашегальской волости К. Шабин, Н. Тухтаров, А. Урусов, А. Аптраимов, Т. Ятаматеев и С. Маштаков. Духовное собрание доносило в Тобольское губернское правление, что они прошли испытание и первые пятеро могут исполнять обязанности имамов и учителей, а последний — имама и мударриса [ГБУТО ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 3795, л. 13–13 об.]. В том же году испытание на должность имама прошел Тюменской округи Енбаевских юрт бухарец Казбулат Шарыпов [Там же, л. 7–7 об.].

Духовное собрание принимало экзамены у лиц, назначаемых на священнослужительские должности ахунов (старшие муллы, ведавшие несколькими мечетями), мухтасибов (муллы, которые пресекали публичное нарушение норм мусульманской морали), хатыбов (ораторы, проповедники), имамов (духовные руководители мусульманской общины) и муэдзинов (лица, провозглашающие призыв на молитву), а также на педагогические должности мударрисов (преподаватели медресе), мугаллимов (учителя мусульманских учебных заведений). В программу экзаменов, разработанных ОМДС для различных духовных званий и учительских должностей, входили требования на знание догматов веры, шариата, арабского языка, порядка богослужения.

В первой трети XIX в. часть мусульманского духовенства Тобольской губернии выполняла свои обязанности, не пройдя испытания в духовном собрании. Как и прежде, процесс занятия духовных должностей осуществлялся на основе норм обычного права. Так, в 1828 г. Тюменский земский суд представил в ОМДС ведомость «О неутвержденных никем духовных чиновниках и не испытанных на сие звание в духовном собрании» [ГБУТО ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 3787, л. 4–4 об.]. Там говорилось, что в 16 мечетях трех волостей Тюменского округа служили духовные лица, не экзаменованные духовным собранием и не утвержденные гражданской властью (табл.). В 1828 г. в Тюменском округе действовала всего 31 мечеть [ГБУТО ГАТ, ф. 329, оп. 2, д. 54, л. 25–34]. Таким образом, в половине из них служили лица, не прошедшие официальной процедуры назначения на духовную должность

В качестве мер борьбы со священнослужителями, не прошедшими через официальную процедуру назначения на должности, т.е. с «простолюдинами», как называли их в ОМДС, предлагалось убеждать мусульман отказаться «от самовластия» и соблюдать установленный порядок. Если одних убеждений оказывалось недостаточно, следовало запретить «простолюдинам»

Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в.

исполнять духовные обязанности, а в случаях неподчинения — предавать суду [ГБУТО ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 3787, л. 1–3].

Список неутвержденных служителей мусульманского духовенства Тобольской губернии в 1828 г.

List of unapproved of the Muslim clergy of Tobolsk province in 1828

Кашегальская волость	
Кайчабрские юрты	Ясашный Аптыгарит Юмашев
Андреевские юрты	Ияп Калимов
Кыштылинские юрты	Аптусалим Аптрахимов
Муллашевские юрты	Мулла Ермухамет Аллабердин
Есаульские юрты	Мулла Рафик Бичинбетов
Казаровские юрты	Мулла Ильяс Абычаев
Новые Шабалинские юрты	Мулла Вельямин Сеитов Шабалин
Калымская волость	
Красноярские юрты	Мулла Месин Рафик Наурусов
Сакиндыковские юрты	Мулла Тюлмет Апташев и муэдзин Тюлмет Речапов
Канчебургские юрты	Муэдзин Бугоммет Янгуров
Боровские юрты	Мулла Аптымен Катырметов и пономарь Кутаберда Туганов
Тарханские юрты	Мулла Измаил Атрашитов
Карбанские юрты	Мулла Мукмет Абдулвалиев и пономарь Бузай Утабаев
Кердинская волость	
Шайтановские юрты	Мулла Сеит Енбаев
Варваринские юрты	Мулла Диен Турушев и пономарь Мамет Юсупов
Матмасовские юрты	Мулла Ремгул Енеев и пономарь Махмут Утабаев

В 1833 г. в ОМДС поступило прошение от жителей Тарского округа Подгородной волости д. Аиткуловой. Они просили утвердить заочно указным муллой бухарца Абдучалика Хильвадеева, который не мог лично явиться на испытание в духовное собрание в связи с болезнью. В прошении указывалось, что Абдучалик Хильвадеев уже 30 лет служит муллою «беспорочно, с похвалой» [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 1083, л. 1–1 об.]. В ходе рассмотрения прошения ОМДС выяснилось, что А. Хильвадеев действительно занимает должность муллы в течение указанных лет. При этом он «не был надлежащим порядком утвержден начальством в духовном звании». В октябре 1833 г. духовное собрание отказалось утверждать А. Хильвадеева заочно. Собрание обязало Тарский земский суд провести расследование и А. Хильвадеева наказать, «как того требует закон». С него следовало взять подписку о запрещении выполнять обязанности «духовного чиновника». Жители же деревни обязаны были не допускать А. Хильвадеева к выполнению духовных обязанностей, в случае нарушений их необходимо было предать суду [Там же, л. 9–10]. Согласно материалам дела, А. Хильвадеев был отстранен от должности муллы в д. Аиткулловой, но произошло это только через два года — 5 июля 1835 г. [Там же, л. 30]. В дальнейшем встречались единичные случаи нарушения процедуры занятия мусульманских духовных должностей на территории Тобольской губернии. Например, в 1865 г. в ОМДС рассматривалось дело о незаконном проведении духовных обрядов в Тюменском уезде татарин Юманчином Азановым [Там же, д. 6228, л. 2–2 об.]. Основная часть мусульманского духовенства занимала свои места по закону.

Срок службы приходского духовенства округа ОМДС законодательно не был установлен. Обычно священнослужители исполняли свои обязанности в течение всей жизни. Но члены прихода могли инициировать отстранение муллы от должности.

Во второй половине XIX в. требования к кандидатам на занятие священнослужительских мест округа ОМДС возросли. Для них был введен возрастной ценз. Закон от 14 февраля 1855 г. установил возраст для ахунов, мухтасибов и мударисов — не моложе 25 лет, для хатыбов и имамов — не моложе 22 лет, для муэдзинов — не моложе 21 года [ПСЗ, собр. 2-е, т. 30, № 29040].

С 1 января 1891 г. вступил в силу закон «Об установлении по округу Оренбургского магометанского духовного собрания образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания», согласно которому кандидаты на должности мусульманского духовенства должны были сдать экзамен на знание русского языка [Там же, т. 25, отд. 1, № 23932]. Изменение образовательного ценза для исламского духовенства округа ОМДС было направлено, с одной стороны, на их русификацию, с другой — на дальнейшее вовлечение в административную систему

Российской империи. В зависимости от того, на какую должность претендовал кандидат, требования на знание русского языка варьировались. Так, кандидатам на должности священнослужителей в городах (ахунов, хатыбов) предписывалось владеть русским языком в объеме курса одноклассного начального народного училища, на должности сельских имамов — русской разговорной речью и умением читать [Там же]. Без экзамена по русскому языку на все духовные должности принимались лица, закончившие одно из государственных светских учебных заведений (уездное, городское или двухклассное сельское народное училище) либо прошедшие курс первых четырех классов средних учебных заведений [Сборник законов..., 1902, с. 17–18].

Порядок проведения испытаний и выдачи свидетельств о знании русского языка определялся правилами, утвержденными министерством народного просвещения 30 декабря 1890 г. [Там же, с. 18–20]. Для приема экзаменов в городском училище (имевшем не менее трех классов) уездных и губернских городов формировалась комиссия. В ее состав должны были входить начальник учебного заведения и два преподавателя светских предметов, один из которых — учитель русского языка. В случае отсутствия положенного учебного заведения комиссия создавалась при одном из следующих образовательных учреждений: уездном училище, учительской семинарии, учительском институте, классической прогимназии, гимназии, реальном училище. Например, в г. Тобольске такая комиссия действовала в уездном училище.

Закон от 16 июля 1888 г. «Об установлении по округу ОМДС образовательного ценза...» не распространялся на мусульманское духовенство, приступившее к своим обязанностям до 1 января 1891 г. [ПСЗ, собр. 3-е, т. 8, № 5419]. Но даже эта норма не остановила волну возмущения среди мусульман Тобольской губернии и других регионов империи. Поверенные различных мусульманских приходов обращались в местные и центральные органы с прошениями об отмене образовательного ценза по русскому языку для мусульманских духовных лиц. В сложившейся ситуации Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД предписал Тобольскому губернатору сделать распоряжение о необходимости объявления на сельских сходах мусульманских общин, что закон от 16 июля 1888 г. не отменен, никаких изменений в него не внесено и все дальнейшие ходатайства по этому вопросу бессмысленны. Власть, объясняя свою позицию по этому делу, приводила следующие аргументы: закон направлен на изучение русского языка, который необходим духовным лицам для ведения метрических книг, и требования, предъявляемые к сельским муллам, весьма умеренны [ГБУТО ГАТ, ф. 686, оп. 1, д. 325, л. 1–1 об.].

К концу XIX в. процедура оценки кандидатов на священнослужительские должности стала носить многоступенчатый характер. В этом процессе участвовали различные государственные органы и учреждения. Претендовавший на должность муллы мечети юрт Чубургинских Тобольской городской инородной волости 21-летний Абдул-Мачит Кутайгулов в прошении, направленном в Тобольское губернское правление в 1895 г., указывал, что выдержал требуемые испытания. Подтверждением этому служили прилагаемые документы: 1) приговор прихожан соборной мечети юрт Чубургинских о единогласном избрании на должность имама; 2) свидетельство ОМДС, подтверждавшее способности исполнять обязанности имама и мугаллима; 3) свидетельство Тобольского уездного училища о знании русского языка; 4) собственноручная подписка о непринадлежности к вредным сектам [Там же, ф. 152, оп. 35, д. 557, л. 1–6].

При вступлении в должность священнослужители приносили на Коране присягу «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови» самодержцу [Там же, л. 12–12 об.].

Основной функцией мусульманского духовенства являлось осуществление религиозного и морального руководства общиной единоверцев, сохранение религиозного знания. Выполнение данной функции определяло круг обязанностей священнослужителей. Они руководили ежедневными пятикратными молитвами, проводили обряды, обучали детей.

В 1828 г. вышло распоряжение Сената о введении метрических книг для мусульман. В связи с этим ОМДС потребовались точные данные о мечетях и служащих в них духовных лицах. Оренбургское духовное собрание в 1828 г. запросило сведения о муллах Тобольской губернии. Именно тогда в Тюменском округе и были выявлены духовные лица, не прошедшие официальной процедуры назначения на должности. На основе получаемых данных ОМДС должно было ежегодно предоставлять губернскому начальству по два экземпляра прошнурованных книг для рассылки «приходским имамам или другим духовным чинам, действительно исправляющим духовные должности в известном приходе» [ПСЗ, собр. 2-е, т. 3, № 2296]. Обязанностью мусульманских духовных лиц стала регистрация актов гражданского состояния: рождения, смерти, бракосочета-

ния и развода. По окончании календарного года один экземпляр метрических книг должен был пересылаться ближайшему земскому или уездному суду для отправки через губернскую власть в ОМДС, один экземпляр книг оставался в мечетях [Там же]. Таким образом, мусульманское духовенство, так же как и православное, стало выполнять государственную функцию по юридическому закреплению гражданского статуса и прав граждан Российской империи. В дальнейшем на приходских мулл округа ОМДС была возложена обязанность составлять метрические выписи.

Приходское духовенство округа ОМДС было наделено судебными и нотариальными функциями. За священнослужителями было закреплено право разбора исков по завещаниям и по разделу имущества, о неповиновении детей родителям, о нарушениях супружеской верности [СЗРИ, т. XI, ч. I, ст. 1418]. Помимо приходских мулл судопроизводство осуществляли ахуны. На должности ахунов могли выдвигаться только имамы и хатыбы, прослужившие не менее трех лет [Бакиева, 2011b, с. 50]. В ведении ахуна должно было находиться от 25 до 100 приходов. В округах (уездах) Тобольской губернии в период с 1882 по 1918 г. выбиралось по одному ахуну. Исключение составлял Тобольский уезд, в нем действовало два ахуна — имам юрт Кызылбаевских Вагайской волости М. Мухаметрахимов и имам юрт Исеневских волости Оброчных Чувальщиков А. Ануваров; в Тюменском уезде ахуном был житель юрт Ново-Шабабинских Бухарской волости; в Ялуторовском уезде — житель юрт Авазбакеевских одноименной волости М. Хамитов [Там же].

Духовенство Оренбургского магометанского округа состояло в подушном окладе и поэтому должно было выполнять все повинности того сословия, к которому принадлежало. Данная норма на протяжении XIX в. подтверждалась различными законодательными актами [ПСЗ, собр. 2-е, т. 1, № 564; т. 25, отд. 1, № 23932; т. 32, отд. 1, № 31918]. До принятия в 1822 г. «Устава об управлении инородцами» мусульмане Тобольской губернии относились к податным категориям ясашных, захребетных, служилых, оброчных чувальщиков, бухарцев. После выхода «Устава об управлении инородцами» большая часть мусульман была приписана к податной категории оседлых инородцев, выходцы из поволжско-приуральского региона отнесены к крестьянскому сословию, та часть бухарцев, которая занималась торговлей, причислена к городскому сословию.

По решению прихожан духовенство могло быть освобождено от уплаты повинностей, в этом случае их бремя брала на себя община. Эта норма закреплялась Сенатским указом от 31 августа 1826 г. [ПСЗ, собр. 2-е, т. 1, № 564]. Служивший в мечети юрт Токусских Уватского округа указной имам Ноурус Сабанчеев в 1864 г. обратился в духовное собрание с просьбой. В присланном рапорте он сообщал, что служит имамом мечети указанных юрт уже 52 года и планирует выполнять требуемые обязанности до самой смерти. В качестве награды за продолжительную и беспорочную деятельность Н. Сабанчеев хотел бы, чтобы ему позволили выйти из числа платящих подати. Рассмотрев его просьбу, ОМДС сообщило, что оно не вправе освободить его от платежей, а решение этого вопроса зависит от воли того общества, которому он служит [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 6026, л. 1–3]. Стремление священнослужителей к освобождению от повинностей во многом было связано с особенностями их деятельности. Постоянная занятость в приходе не позволяла духовным лицам регулярно заниматься крестьянским трудом, торговлей или ремеслами. Они получали дополнительный доход за счет совершения духовных треб, но этих средств было недостаточно для уплаты налогов.

Духовные лица, служившие на местах и называемые государственной властью «духовными чиновниками», жалованья из казны не получали. Общины мусульман Тобольской губернии оказывали материальную поддержку духовенству. Так, жители юрт Нижнебехтеревских Тобольского округа выплачивали имаму один сноп сена из десяти и по завершении Рамазана с каждой души по 4 фунта пшеницы [Там же, д. 1083, 6711, л. 1]. Тяжелое экономическое положение прихожан не всегда позволяло им содержать духовных лиц. В Тюменском уезде в 1870 г. в 22 мечетях муллы должны были получать от членов общины пятую часть хлебов. «Однако из-за частых наводнений и неурожаев только 1/3 часть населения могла выделять мулле хлеба, а остальные не могли этого сделать из-за бедности» [Бакиева, 2011b, с. 58]. Согласие приходской общины взять на себя содержание духовенства могло подтверждаться избирательным приговором. Например, прихожане Градо-Тарской соборной мечети в 1895 г. при избрании на должность имама хатыпа и мугаллима бухарца Изатуллы Мухамедеевича Иноятова в приговоре указывали, что берут на себя обязательство содержать его [ГБУТО ГАТ, ф. 152, оп. 35, д. 555, л. 3 об.].

Таким образом, в XIX в. мусульманским духовным лицам Тобольской губернии, так же как и остальной части духовенства округа ОМДС, со стороны государства податная льгота не предоставлялась, но они могли быть освобождены от нее по решению прихожан.

Во второй половине XIX в. духовные лица получили некоторые налоговые льготы. Положение о государственном налоге с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках, принятое в 1863 г., освобождало от налога собственность религиозных учреждений, не приносящих дохода путем сдачи в наем. Органы городского самоуправления были наделены правом использовать эту норму в отношении служебных домов приходского духовенства всех вероисповеданий [Денисов, 2011, с. 117].

Мусульманское духовенство, выполняя общественные и государственные функции, играло важную роль в жизнедеятельности общины. В случае призыва духовного лица на военную службу прихожане до утверждения его преемника в течение долгого времени не могли удовлетворять свои религиозные и иные общественные потребности, поэтому для мусульман этот вопрос был актуальным. Государственная власть на протяжении XIX в. решала его различным образом: от установления рекрутской повинности для духовных лиц и освобождения от нее лиц, занимающих те или иные духовные должности, до полного освобождения от нее. В июне 1912 г. в Устав о воинской повинности были внесены изменения, согласно которым все лица высшего магометанского духовенства и приходского духовенства округа Оренбургского духовного собрания — хатыпы, имамы и муллы, а также маязины, избранные на эту должность в возрасте не моложе 22 лет, освобождались от воинской повинности, но при этом призывной возраст был изменен, он начинался с 20 лет [ПСЗ, собр. 3-е, т. 32, № 37417]. Таким образом, государственная власть, освободив в начале XX в. мусульманское духовенство от воинской повинности, фактически освободила их от военных сборов и мобилизации.

До принятия в 1822 г. «Устава об управлении инородцами» основная часть мусульман Тобольской губернии относилась к тем податным категориям населения, которые были освобождены от воинской повинности. «Устав об управлении инородцами» подтвердил это положение (§ 18) [ПСЗ, собр. 1-е, т. 38, № 29126]. Следовательно, мусульманское духовенство Тобольской губернии не являлось военнообязанным. Эта норма наделяла его представителей равным правом с другими членами прихода, но отличала их от духовных лиц округа ОМДС, для которых освобождение от рекрутчины являлось привилегией.

Для священнослужителей ОМДС была предусмотрена юридическая ответственность. В случаях нарушения своих обязанностей духовные лица, относящиеся к округу Оренбургского магометанского собрания, подлежали суду и взысканиям духовного начальства. При совершении иных преступлений мусульманское духовенство подлежало суду светскому [СЗ, т. XI, ч. I, ст. 1420].

Принадлежа к податным категориям населения, мусульманское духовенство Тобольской губернии за уголовные правонарушения подвергалось наказанию наравне с иными лицами, исповедовавшими ислам [ПСЗ, собр. 2-е, т. 25, отд. 1, № 23932]. Среди наказаний, распространявшихся на духовных лиц, было телесное. Унижение чести и достоинства духовного лидера, даже со стороны власти, оскорбляло чувства верующих и могло привести к выражению недовольства и возмущения с их стороны. В связи с этим Сенат в 1822 г. дал разъяснения о том, что приходские муллы податных сословий могут подвергаться телесным наказаниям только после снятия с них духовного сана [Денисов, 2011, с. 117]. Высочайшим указом от 20 февраля 1850 г. в «Уложении о наказаниях» были внесены поправки, согласно которым ахуны, хатыпы, муллы и имамы округа ОМДС освобождались от этого вида наказания [ПСЗ, собр. 2-е, т. 25, отд. 1, № 23932]. Таким образом, данная норма закрепляла льготное положение духовных лиц в мусульманских общинах.

В начале XX в. в социально-политической жизни России произошел ряд важных событий: учреждение Государственной думы, декларирование свободы слова, собраний, союзов и совести. Провозглашение свободы вероисповедания заставило правительство искать пути ограждения православных от влияния иных конфессий, в том числе от мусульман, которые активизировали свою пропаганду. Это способствовало ужесточению притязаний к мусульманским духовным лицам со стороны государственной власти. Традиционно исламское духовенство должно было соответствовать высоким этическим требованиям, оно не могло совершать поступков, порочащих его честь и достоинство. Но помимо этого к представителям мусульманского духовенства стали предъявляться требования политического характера: быть благонадежными и лояльными по отношению к власти, к ее распоряжениям и мероприятиям. Своим циркуляром 14 сентября 1906 г. МВД подтвердило положение «о несоместности государственной службы с принадлежностью к политическим организациям противозаконного направления». Чуть позже глава ведомства П.А. Столыпин сделал пояснения, что данное требование распространяется и на

Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в.

мусульманских духовных лиц и в случае обнаружения подобных фактов они подлежат увольнению [Денисов, 2012, с. 145].

В дальнейшем, опасаясь распространения среди мусульманского духовенства крамольных идей, министр внутренних дел предписал не утверждать на мусульманские духовные должности иностранных граждан и русских подданных, получивших богословское образование за границей, преимущественно в Египте и Турции, считавшихся источниками «национально-религиозного сепаратизма» среди российских мусульман. Подозрения в лояльности вызывали и выпускники некоторых российских исламских учебных заведений: «Мухаммадия» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге и «Галия» в Уфе. Властью подчеркивалось, что получившие образование в подобных школах могут быть утверждены в духовных должностях только при наличии необходимых данных о политической благонадежности [Там же].

Таким образом, учреждением в конце XVIII в. ОМДС российская власть разделила исламское духовенство на высшее (члены ОМДС) и низшее (приходское духовенство). Высшее исламское духовенство было вовлечено в процедуру назначения на должности ахунов, мухтасибов, мударрисов, мугаллимов, хатыбов, имамов и муэдзинов. В первой трети XIX в. часть мусульманского духовенства Тобольской губернии занимала должности, не будучи наделенным правами со стороны государства, а приобретая их на основе норм обычного права. В дальнейшем в Тобольской губернии встречались единичные случаи нарушения официальной процедуры занятия мусульманских духовных должностей. В течение XIX — в начале XX в. государственная власть ужесточала требования к кандидатам на должности мусульманских духовных лиц и порядок их назначения путем введения возрастного и образовательного цензов, сдачи экзамена по русскому языку, установления ограничений политического характера. Государством не был регламентирован срок занятия исламских духовных должностей.

Вовлечение исламских институтов в систему административного управления Российской империи осуществлялось также возложением на приходское духовенство реализации государственных функций: регистрации актов гражданского состояния, нотариата, судопроизводства. При этом исламские «духовные чиновники», служившие в приходах, вознаграждения от государства не получали и не были им освобождены от уплаты повинностей, они состояли в подушном окладе. Исламское духовенство Тобольской губернии могло получить податную льготу по инициативе общины, но не всегда экономическое положение прихожан позволяло им взять на себя содержание духовных лиц. Как и все члены общины, мусульманские священнослужители Тобольской губернии были освобождены от военной службы. За совершение правонарушений мусульманское духовенство подлежало взысканиям и суду духовному либо светскому. В 1850 г. оно получило льготу в виде освобождения от телесного наказания.

По роду своей служебно-профессиональной деятельности мусульманское духовенство Тобольской губернии составляло особую группу, обладавшую определенными привилегиями. С конца XVIII в. вхождение в нее осуществлялось с позволения государственной власти. Правительство закрепило за мусульманскими священнослужителями ряд обязанностей. При этом со стороны государства мусульманскому духовенству Тобольской губернии было предоставлено незначительное количество льгот.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 22. № 16710; Т. 38. № 29126.
ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 1. № 564; Т. 3. № 2296.
ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. № 10594.
ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1851. Т. 25. Отд. 1. № 23932; Т. 30. № 29040.
ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1858. Т. 32. Отд. 1. № 31918.
ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1888. Т. 8. № 5419.
ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1912. Т. 32. № 37417.
СЗ. Пг., 1914. Т. XI. Ч. I. Ст. 1418, 1420.
ГБУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 555, 557; Ф. 329. Оп. 2. Д. 54; Ф. 686. Оп. 1. Д. 325.
ГБУТО ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1 Д. 3787, 3795.
ЦГИА РБ. Ф.И-295. Оп. 3. Д.1083, 6026, 6228, 6711.
Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1902. 53 с.

Литература

- Бакиева Г.Т.* Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.). Тюмень; М., 2003. 259 с.
- Бакиева Г.Т.* Мусульманское духовенство у сибирских татар в XIX — начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII — начале XX вв. Казань, 2011а. С. 12–27.
- Бакиева Г.Т.* Обычай и закон: Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII — начале XX века. Новосибирск: Гео, 2011б. 214 с.
- Гарифуллин И.Б.* Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2000. 220 с.
- Гарифуллин И.Б.* Обучение основам ислама в Тюменской мусульманской школе-медресе «Белем» // Сулеймановские чтения-2003: Тезисы докладов и сообщений науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 54–55.
- Денисов Д.Н.* Мусульманское духовенство как привилегированная группа в социальной структуре Российской империи XIX века // Вестник ЧелГУ. 2011. № 12 (227). История. С. 117–119.
- Денисов Д.Н.* Требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (конец XVIII — начало XX века) // Вестник Оренбург. ун-та. 2012. № 5 (141). С. 142–147.
- Ислам, общество и культура: Материалы Междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века: (К 600-летию ислама в Сибири)».* Омск, 1994. 205 с.
- Ислам в Российской империи: (Законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и автор вводной статьи, коммент. и прил. Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 367 с.*
- Клюева В.П.* О пожертвовании тюменского бухарца С. Речапова в пользу тюменской мечети // Сулеймановские чтения-2004: Материалы VII межрегион. науч.-практ. конференции. Тюмень, 2004. С. 32–33.
- Мавлютова Г.Ш.* Законодательное регулирование жизнедеятельности мусульман Западной Сибири в XVII–XVIII веках // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (62). С. 133–136.

G.Sh. Mavlyutova

Tyumen State University

Volodarsky st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: gmavlyutova@mail.ru

**LEGAL STATUS OF MUSLIM CLERGY IN THE TOBOLSK PROVINCE
AT THE END OF 18th — BEGINNING OF THE 20th CENTURY**

The establishment of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly at the end of the 18th century marked a new stage in the relationship between the state and the Islamic community in the Russian Empire. The state took another step towards the implementation of such a key principle in its confessional policy, as the state control over all religious institutions in the country. During the period under study, the government regulated the procedure for the occupation of Muslim religious positions by having delegated the right of conducting clergy exams to the Orenburg Muslim Spiritual Assembly. However, in the first third of the 19th century, a part of the Muslim clergy in the Tobolsk province fulfilled their duties without passing such exams, acting on the basis of the customary law norms. In later periods, only single cases of the violation of the official procedure for the occupation of Muslim clergy positions were recorded. During the 19th — early 20th centuries, the government tightened the requirements for candidates for the positions of Muslim clerics and the procedure for their appointment by introducing restrictions in terms of age, education, knowledge of the Russian language, etc. The involvement of Islamic institutions in the system of administrative management in the Russian Empire was also carried out by delegating some state functions, such as civil registration, notary service and court procedures, to the Islamic clergy. At the same time, Islamic «spiritual officials» who served in the parishes did not receive any state allowance and were not exempted from paying their duties. They were allowed to get a tax benefit at the initiative of their communities; however, parishioners were frequently unable to take on the maintenance of their clergy due to a poor economic situation in the Tobolsk province. The Muslim clergy in the Tobolsk province, similar to all Muslims, were exempted from military service. This provision gave them equal rights with other members of the parish, although distinguishing them from their colleagues in the Orenburg district. For the latter, exemption from the state military service was a privilege. In the case of committing offenses, the Muslim clergy were subject to penalties and were to face Islamic or secular trial. In 1850, they received exemption from corporal punishment. By the nature of their professional activities, the Muslim clergy in the Tobolsk province constituted a specific social group endowed with certain privileges from the state.

Key words: Islam, Tobolsk province, Muslim clergy, Orenburg Muslim Spiritual Assembly, legal status, Tatars, Bokharan.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-175-183

REFERENCES

- Arapov D.Yu. (Ed.) (2001). *Islam in the Russian Empire: (Legislative acts, descriptions, statistics)*, Moscow: Akademkniga.
- Bakieva G.T. (2003). *Rural community of Tobol-Irtysk Tatars (18th — beginning of 20th century)*, Tyumen; Moscow.
- Bakieva G.T. (2011a). The Muslim clergy of the Siberian Tatars in the 19th — early 20th century. *Orenburgskoe magometanskoe duhovnoe sobranie i duhovnoe razvitie tatarskogo naroda v poslednej chetverti XVIII — nachale XX vv.*, Kazan, 12–27.
- Bakieva G.T. (2011b). *Custom and the law: Essays on the legal culture of the Siberian Tartars in the 18th — early 20th century*, Novosibirsk: Geo.
- Denisov D.N. (2011). The Muslim clergy as privileirovanny group in the social structure of the Russian Empire of the 19th century. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, (12), 117–119.
- Denisov D.N. (2012). The requirements for candidates for the Muslim clerical positions in the district of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly (the end of 18th — beginning 20th century). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, (5), 142–147.
- Garifullin I.B. (2000). *Essays on the history of the Tatar population of the Tyumen region*, Tyumen.
- Garifullin I.B. (2003). Learning the basics of Islam in Tyumen Muslim school-madrasah «Belem». *Sulejmanovskie chteniya-2003: Tezisy dokladov i soobshchenij nauchno-prakticheskoy konferencii*, Tyumen, 54–55.
- Klyueva V.P. (2004). For a donation of Tyumen Bukharan S. Rechapov in favor of the Tyumen Mosques. *Sulejmanovskie chteniya-2004: Materialy VII mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Tyumen, 32–33.
- Mavlyutova G.Sh. (2015). Legislative regulation of activity of Muslims West Siberia at the 17th–18th centuries. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie iyuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, (12-2), 133–136.
- Tomilov N.A. (Ed.) (1994). *Islam, society, and culture: Materials of the International scientific conference «Islamic civilization on the eve of the 21st century (600th anniversary of Islam in Siberia)»*, Omsk.